

Прусские-русские Цейдлеры

М. Т. Валиев, А. Ф. Клебанов

Наше соавторство имеет вполне объяснимые причины. Алексей Клебанов – представитель одной из немногих уцелевших в пространстве России ветвей большой семьи Цейдлеров. Мурат Валиев много лет занимается историей немецкой гимназии Карла Мая, которую в разное время окончили четыре представителя известной фамилии. Нами двигало не только естественное желание рассказать о сложной истории одного из немецких родов, но и, как нам кажется, назревшая необходимость затронуть проблему восстановления исторической справедливости взаимоотношений и взаимовлияния двух великих наций. Дополнительным стимулом к более тщательному исследованию фамильной истории Цейдлеров для нас служил тот факт, что родоначальник российской ветви «наших» Цейдлеров, Фердинанд Фридрих Цейдлер (1822–1886), и основатель нашей школы, Карл Иоганн Май (1820–1895), были женаты на родных сестрах Берте и Агнессе Кемпе.

История проникновения немецкой культуры в государство российское имеет давние и общеизвестные корни¹. С начала XVIII века немецкая слободка стала неотъемлемой частью российского городского пейзажа, немецкий язык долгое время являлся основным языком российской науки, с легкой руки Петра I повсеместно внедрялись немецкие стандарты государственного устройства. Стоит вспомнить, что до конца XVII века всех иностранцев в России называли немцами (немыми, лишенными понимания русского языка). Еще одним доказательством обильных межнациональных связей с Германией может служить перечень дел о переходе в российское гражданство – смотришь картотеку в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и ловишь себя на мысли: три четверти иностранцев приходили в Россию из немецких

Школа Бема–Цейдлера. Папула. Выборг. Около 1860 г.

земель – Пруссии, Германии, Саксонии, Голштинии². Редкими вкраплениями выглядят французские, британские и другие подданные. Значимое французское и, тем более, англосаксонское влияние проявилось в России гораздо позднее: первое на рубеже XVIII–XIX веков, второе на рубеже XIX–XX веков. Не следует забывать и о традиционных фамильных связях российского императорского дома с германской аристократией. С середины XVIII века немецкой крови в царствующих особах Российской империи было больше, чем русской.

Безоговорочно влияние немецкой науки и немецкой школы на Российскую академию наук и российское образование в целом. Достаточно вспомнить, что из тринадцати академиков первого состава Петербургской академии девять являлись немецкими учеными.

Можно сказать, что голландцы научили нас строить корабли, итальянцы – возводить дворцы, а немцы – учить и учиться. Описание борьбы Михайлы Ломоносова с «засильем немца» в Российской академии наук во многом носит заказной характер – на самом деле влияние и вклад немецкой культуры в становление русского образования

и науки имеют неопределимое и бесспорное значение³.

Даже одиозный критик пангерманизма А. В. Королев вынужденно признавал⁴: «...Ни для кого не тайна, что система нашего среднего и высшего образования была заимствована из Германии и, быть может, ни в одной области русской жизни не сказывалось так сильно немецкое влияние, как именно в нашей школе».

К великому сожалению, XX век нанес ошутимый вред отношениям двух великих народов. Две мировые войны развели нас по разные стороны фронтов, в исторической памяти народов преобладают негативные мотивы. Тем важнее по крупицам восстановить светлые страницы истории и попытаться вернуть заслуженное уважение к влиянию немецкой нации, немецкой культуры, науки, государственности на нашу историю.

Не столь давно наш музей посетила высокопоставленная немецкая делегация. Лейтмотивом выступления главы делегации было сознание чувства вины немецкого народа перед Россией. При всем уважении к исторической памяти в душу закрадывается и невольный протест – не наступило ли время собирать камни? Не пора ли нам

вспомнить о добрых страницах нашей – во многом, совместной – истории? Не нужно ли, созидая новое здание российско-немецких отношений, закладывать в его фундамент не только взаимные обиды и упреки, но и бесчисленные свидетельства благих дел и взаимного доброжелательства? Что может быть более показательным и назидательным, чем рассказ о наших предках, которые вместе жили, учились, страдали, любили на земле российской?

Надеемся, что подробный рассказ об одной немецкой семье послужит нашим маленьким вкладом в восстановление доброго имени «русских» немцев.

Как уже упоминалось ранее, родоначальником российской ветви «наших» Цейдлеров стал Фердинанд Фридрих Цейдлер. Он родился 4 марта 1822 года в семье адвоката в саксонском городке Хильдесхайме (Hildesheim)⁵, и, как показывают дальнейшие генеалогические поиски, семья не утратила связей со своей исторической родиной – один из послереволюционных «побегов» родового древа возродился на прародине. В 1851 году Фридрих Цейдлер уже студент математического факультета Геттингенского университета⁶. Именно на это время приходится первое упоминание «русского следа» в фамильной истории – успешному студенту одного из ведущих университетов Германии была назначена стипендия великой княгини Ольги (1822–1892)⁷.

Сейчас мы сказали бы, что стипендия выплачивалась с условием последующей отработки на ниве российского народного образования. Думается, что таким образом княгиня Ольга заботилась о повышении качества преподавания в отечественной школе. Именно поэтому после окончания университета, не позднее начала 1856 года, Фридрих Цейдлер приехал в Выборг и поступил преподавателем математики в знаменитую школу Карла Бема (1823–1856)⁸. Можно предположить, что одногдки Бем и Цейдлер были знакомы еще до приезда Фридриха в Выборг. Более подробную информацию о начальном периоде работы Фридриха Цейдлера мы надеемся найти в Выборгском архиве.

Дом Цейдлеров в усадьбе Папула. Выборг. Начало XX века.
Из семейного архива А. Ф. Клебанова. Фотография публикуется впервые

Школа Бема, одна из первых в России частных гимназий-пансионов, несмотря на сравнительно короткий срок существования, к моменту приезда Фридриха была уже достаточно известна и популярна. Молодой учитель математики пользуется заслуженным уважением у питомцев и коллег. К сожалению, в 1856 году в молодом возрасте умирает основатель и директор гимназии Карл Бем и тридцатичетырехлетний Фридрих Цейдлер становится его преемником. К этому же времени – июль 1860 года – относится и начало счастливого брака с Бертой Альбертовной Кемпе (1840–1925).

Отличительной особенностью школы Бема было повышенное внимание к изучению русского языка, даже «большее, чем в местных правительственных заведениях, шведских и финских». Авторитету школы способствовал и тщательно подобранный состав педагогов. Вполне вероятно, что принципы организации школы Бема были хорошо знакомы основателю немецкой частной школы Карлу Маю. Напомним, что вторым браком Карл Май был женат на Агнессе Альбертовне Кемпе (1845–1928), младшей сестре жены Фридриха Цейдлера. Трудно предположить, что сестры не принимали участие в «семейном бизнесе». Документально подтверждено, что Агнесса Май многие годы занималась активной педагогической деятельностью в школе Мая⁹. Родственными были не только семьи, но и школы Бема–Цейдлера

и Мая. Можно смело сказать, что Фридрих Цейдлер и Карл Май были не только родственниками, но и соратниками.

Уже через год после свадьбы Фридриха и Берты Цейдлеров на свет появился их первенец, Герман (1861–1940). В будущем счастливая семья Цейдлеров с завидным постоянством прирастала новыми членами – Людвиг (1863–1916), Альберт (1865–1908), Эмма (1868–?), Клара (1870–1952), Рудольф (1872 – после 1930?), Густав (1874–1959), Антония (1876–?)¹⁰. Интересно отметить, что все дети родились в Выборге и были записаны как «уроженцы княжества Финляндского», что служило в последующем поводом для ошибочного толкования национальности и некоторым препятствием в делах службы¹¹.

Все сыновья Фридриха Цейдлера, кроме Альберта, провели в стенах гимназии Карла Мая от одного до пяти лет, причем Герман, Густав и Рудольф окончили здесь полный курс средней школы¹². Скорее всего, это объясняется тем, что по существовавшей традиции дети директора школы не могли заканчивать учебное заведение, возглавляемое их родителем (в конкретном случае – школу Бема–Цейдлера в Выборге). С другой стороны, в школе Мая дети учились у родных дяди и тети и, конечно, находились под их доброжелательным присмотром. Родители могли спокойно доверить воспитание своих чад близким родственникам.

Именно к периоду учебы Цейдлеров в гимназии Карла Мая относится одна из самых ярких и верных характеристик семьи героев нашего рассказа, приведенная в удивительно живописных воспоминаниях однокашника Густава Цейдлера, Ивана Васильевича Петрашени (1875–1937)¹³. Эти строки посвящены в основном Густаву Цейдлеру, но в них хорошо передана общая атмосфера семьи Цейдлеров. В одном классе с Густавом учились знаменитый в будущем художник Н. К. Рерих (1874–1947), будущие доктор медицины А. Д. Боговский (1876–1927), художественный критик А. В. Скалон (1874–1919), инженеры О. А. Парланд (1876–1956) и Л. И. Шпергазе (1874–1927), архитектор Ф. Ф. Постельс (1873–1960). Позволим себе привести наиболее интересные отрывки из текста И. В. Петрашени, сопроводив их небольшими комментариями.

«...Теперь я перейду к товарищам из так называвшегося “русского клуба”. Как я уже говорил, “русским клубом” именовалась наиболее шумливая и скандальная часть нашего класса, состоявшая из русских мальчиков и англичан. Большинство было русское. В качестве почетного члена состоял в этом клубе и полу-немец полу-финн Густав Цейдлер¹⁴.

Русский клуб играл в классе руководящую роль – занимал первые места, как по учению, так и по нарушению благопристойного поведения. Как классный журнал, куда заносились отметки, так и штрафной журнал – одинаково свидетельствовали о деятельной энергии русского клуба и его жизнерадостности. Никакого устава, ни письменного, ни устного, у нас не было, и прозвали нас клубом учителя-немцы неправильно, но товарищеская солидарность и дружба у нас были, и пострадать, в случае необходимости, за товарищей мы умели».

...Теперь о Цейдлере Густаве, Густе, Густеньке, отзывавшемся также на клички “меркацо”¹⁵ и “стинкспиритус”¹⁶. Последнюю кличку он получил от меня за выговаривание буквы “ш” как “с”. Густав был младшим членом большой, довольно талантливой семьи. Вся семья Цейдлера состояла из весьма определенных цельных характеров, независимых друг от друга в своей повседневной

жизни, свободных от всяких сентиментальностей и руководствующихся, как им казалось, только велением разума и расчетом. На словах все они были эгоистами, а мир принимали как кучу беспокойных атомов, вечно бесцельно, но иногда, правда, удачно толкающихся друг о друга, в результате каковой толкотни произошло “Все”. Разумеется, ни о каком долге человека к окружающей жизни, ни о каком служении идее или обществу у Цейдлеров не могло быть и речи, и если они делали что-либо для общества полезное, а все они были полезнейшими гражданами, то это они делали, как им казалось, исключительно для себя, так сказать, попутно, сознательно преследуя лишь свои интересы. Одним словом, они были последовательными материалистами-механистами, которые, действительно, только по недоразумению могут заботиться о всеобщем благе человечества. На деле вся семья Цейдлеров состояла из прекраснейших людей, сильных, деловых и нежных душой мужчин и женщин. Впоследствии, когда, будучи уже студентом, я стал посещать эту семью, меня особенно влекла к себе их милая престарелая мать¹⁷, сохранившая до глубокой старости молодость души и народнические убеждения шестидесятых годов. Она была в семье в этом отношении (отца Густава уже не было в живых) единственным экземпляром, все остальные никакого народничества не признавали, но все ее любили и она всех любила, а их вечные споры (за вечерним чаем, когда все сходились отдохнуть) на социальные темы были чрезвычайно забавны, когда старость была молодой, а молодость старой и до чрезвычайности мудрой.

Естественно, Густав в своем миропонимании определился очень рано и был в нем очень тверд. Оно далось ему в готовом виде, притом догматически, и было бы это очень скверно для него, если бы он сам не обладал хорошим умственным аппаратом. Как бы то ни было, но в 15 лет от роду он рассуждал о “Сущности” как Бюхнер¹⁸, Молешот¹⁹ и К°.

По виду Густя был “добродушный чухонец”, что представляло забавный контраст его полным эгоистической свирепости высказываниям. Несклько выше среднего роста, рыжеватый блондин, светлоглазый, с выгнутым носом, небольшою кру-

глою головою и кривоватыми ногами, он мог без всякого грима сойти за “вейку”²⁰, на которых мы любили кататься на Масленицу за тридцать копеек. Поступил он к нам в третий класс. В течение первого года мы с ним не сходились. Сошлись мы близко в четвертом классе, когда я стал терять свою детскую веру.

...Через некоторое время, примерно через год, в шестом классе, эти споры с Цейдлером у нас прекратились, т. к. я был захвачен в это время народничеством вместе со своим “благоприятелем” Поповым. Но крепкая дружба с Густавом у нас не прерывалась вплоть до моей женитьбы. Густав Цейдлер, как тебе, Мусенька, известно, стал впоследствии очень хорошим доктором по внутренним болезням. Долгое время он оставался холостяком и мне жениться не советовал. “Ванька, дурак, не женись”, – говаривал он мне. Однако, узнав от меня, что я женюсь на Джесси Парланд²¹, он милостиво мне это разрешил: “Ну, уже если тебе так надо жениться, то на Джесси Андреевне лучше всего”, благословил он меня».

Прежде всего, обращает на себя внимание заслуженная легкость, с которой немец, Густав Цейдлер, стал почетным членом РУССКОГО клуба. Даже в этом маленьком факте отражается отношение семьи Цейдлеров к русской культуре, к ее основам и традициям. Немецкий орден, немецкая сентиментальность дают удивительные всходы на, казалось бы, чуждой славянской почве. Как оказалось, то, что русскому хорошо, то и немцу не чуждо. Вся последующая история семьи Цейдлеров говорит о том, что они действительно стали «полезнейшими гражданами», и тем больнее осознавать, какой непоправимый урон нанесли нашему отечеству последующие исторические потрясения.

В последний день 1886 года покидает бранный мир патриарх рода Фридрих Цейдлер. Происходит это печальное событие в городе Валге²² на границе Эстонии и Латвии. К этому моменту старшему сыну, Герману Цейдлеру, уже исполнилось двадцать пять лет, и он смог стать опорой для своей матери, младших сестер и братьев. Большинство из детей старшего Цейдлера к этому моменту уже выбрали свои профессии. Удивительно, но на протяжении

всей обозримой фамильной истории представители семьи выходцев из милитаристской Пруссии ни разу не выбрали военную стезю. Это тем более удивляет, учитывая традиции российской армии и флота, офицерский корпус которой в значительной мере был укомплектован выходцами из обрусевших немецких семей. Цейдлеры предпочитали педагогику, медицину, дипломатию, искусство, коммерцию, предпринимательство, горное дело и науку.

В год кончины отца Герман Федорович Цейдлер завершил учебу на медицинском факультете императорского Московского университета²³ и поступил на работу в Санкт-Петербургскую Обуховскую больницу²⁴. За достаточно короткое время имя профессора, доктора медицины Германа Цейдлера стало заслуженно известным в самых широких медицинских кругах. С 1895 года Герман Цейдлер возглавляет хирургическое отделение женской Обуховской больницы, с 1912 года – хирургическую факультетскую клинику Санкт-Петербургского женского медицинского института²⁵. Кроме врачебной практики преподает курс теоретической хирургии, консультирует в Максимилиановской лечебнице Красного Креста и в больнице Общины Св. Евгении, ведет большую общественную работу в Обществе русских врачей, Русском хирургическом обществе Пирогова (председатель), а в последующем и в Обществе Красного Креста²⁶.

1 сентября 1911 года знаменитый профессор Цейдлер был вызван из Петербурга к постели умирающего председателя Совета министров Российской империи Петра Аркадьевича Столыпина²⁷. В те дни представитель семьи Цейдлеров мог радикально повлиять на ход российской истории, но судьба была неблагоприятна – реформатор Столыпин скончался, и последующие события стали развиваться по самому печальному сценарию²⁸.

Деятельность Германа Цейдлера в годы Первой мировой войны категорически опровергает трафаретное обвинение этнических немцев в предательстве интересов России – в апреле 1915 года последовало «Высочайшее соизволение на пожалование Знака отличия Красного Креста профессору Цейдлеру»²⁹, а в

Герман Федорович Цейдлер.
Фотография из иллюстрированного
Вестника культуры «Наши деятели
по медицине». Вып. 1. 1910 г.

октябре 1916 года «за отличия в делах против неприятеля Заведующий Медицинской частью Управления главноуполномоченного Российского Общества Красного Креста при армиях Северного фронта, доктор медицины, действительный статский советник Герман Цейдлер награждается орденом Св. Анны 2-й степени³⁰». После трагических событий 1917 года Герман Цейдлер возвращается в знакомые с детства места и поселяется в имении Вонкури под Выборгом³¹. Большевицкий переворот профессор Цейдлер не принял, считал происходящее временным помешательством, пытался оказать посильную помощь страдающему населению России³², был членом, а затем в течение многих лет возглавлял «Особый комитет по русским делам в Финляндии». Высочайший пример гуманизма проявил профессор Цейдлер при спасении остатков восставшего гарнизона Кронштадтской крепости весной 1921 года³³. Спасаясь от красного террора, моряки и немногочисленные офицеры по льду Финского залива бежали в Финляндию, где нашли приют, медицинскую помощь и питание во временных лагерях, организованных при участии Германа Цейдлера.

В своем очерке «Красный крест жизненного пути профессора Цейдлера»³⁴ известный Выборгский краевед М. Н. Костоломов писал: «Своему “классовому врагу”, бывшим матросам и членам их семей, он помогал всемерно. Главным

же его достоянием была, видимо, репутация надежного, кристально честного человека. Когда вспыхнуло восстание, он поспешил в Париж, и под его имя были собраны немалые деньги. Руководимый эмигрантами торгово-промышленный союз дал 100 000 франков, российский Азиатский банк – 225 000 франков. Цейдлер получил также деньги от Парижского международного банка. Размер сумм говорит о том доверии, которым пользовался этот человек в годы мировой смуты. Деньги, правда, успеху восстания не способствовали, однако после поражения восставших на эти средства обустроивались лагеря для беженцев. Открылись склады Красного Креста, в том числе и в Выборге. Продукты с этих складов спасли многих от голодной смерти».

Второй раз в жизни профессор Цейдлер мог изменить ход российской истории, но, как и в первый раз, при попытке спасти П. А. Столыпина, надежды были разрушены суровыми реалиями жизни.

О человеческих качествах Цейдлеров говорит и семейная хроника родственной семьи Бурсианов. Собиратель фамильной истории Арсений Тарасович Русаков привел такие факты: «Семья Цейдлер-Вальтер сыграла очень важную роль в жизни моих родственников Бурсианов, оказав им жизненно важную поддержку во время эмиграции. В 1918 году Герман и София Цейдлеры приютили Марию Бурсиан (1894–1968), племянницу Софии Цейдлер, а во время Второй мировой войны Сергей Цейдлер (1900–?), сын профессора Цейдлера, спас из немецких концлагерей свою двоюродную сестру Ольгу Бурсиан (1904–1996) и племянников Ирину (1923–2009) и Роберта (1927 г.р.) Бурсианов».

Жизненный путь Германа Федоровича, достойного представителя семейства Цейдлеров, завершился в 1940 году в финской провинции Хяме, куда профессор был вынужден переселиться из-за надвигающейся «красной» угрозы.

В нескольких словах расскажем о семье Германа Цейдлера. Жена, София Антоновна Цейдлер (урожденная Вальтер, 1872–1961), пережила супруга на долгие двадцать лет, упокоилась в столице Финляндии летом 1961 года. Старшая дочь,

Семья Г. Ф. Цейдлера. Слева направо: Катарина, Герман Федорович, София Антоновна, София Германовна, Эрик Сало (сын Софии). Имение Ванкури, Финляндия. Начало XX века. Из семейного архива А. Ф. Клебанова. Фотография публикуется впервые

София Германовна (1894–?), вышла замуж за садовника, работавшего в имении Цейдлеров, финна Лаури Сало, у них родился сын Эрик. О судьбе младшей дочери, Катаринны Германовны, известны только даты и место рождения и смерти (1895, Санкт-Петербург – 1962, Хельсинки). Оптимизм внушает судьба семьи сына профессора, Сергея Германовича Цейдлера (1900–?). По сведениям, полученным от Арсения Русакова, Сергей вернулся на историческую родину предков в Хильдесхайм. В дальнейшем его сын Андрей вместе с матерью, Дорой Деврие, переехали во Франкфурт-на-Майне. По слухам, там он открыл фирму по торговле мехами и стал удачливым бизнесменом. Таким образом, есть надежда, что не угасла фамилия Цейдлер – Zeidler в Германии!

Вторым представителем семейства Цейдлеров, связавшим себя клятвой Гиппократова, был Густав Фридрихович Цейдлер (1874–1959), о котором трогательно и с большой любовью уже упоминалось в живописных текстах И. В. Петрашени. Жизнь Густава Цейдлера была не столь насыщена событиями и наградами, как у его старшего брата, Германа, но прожил он ее достойно и, безусловно, мог бы достигнуть большей успешности, если бы не революционные потрясения начала XX века. Как и все остальные дети

доктора философии Ф. Ф. Цейдлера, Густав родился в Выборге³⁵. В 1893 году, в возрасте девятнадцати лет, Густав благополучно окончил гимназию Карла Мая и поступил в Императорскую Военно-медицинскую академию, из которой в 1899 году вышел с похвальным листом и званием лекаря. Свою службу начал в должности младшего врача в Санкт-Петербургской городской Обуховской больнице. Нужно отметить, что в это же время в этом же учреждении в должности

Густав Федорович Цейдлер. Около 1890 г. Из архива Е. М. Ледовской. Фотография публикуется впервые

младшего ординатора работал и старший брат Густава, Герман Цейдлер. В недалеком будущем (1900–1902) братья будут сотрудничать и в амбулаторной лечебнице Общины Св. Евгении. Младший Цейдлер завершает свою карьеру в пределах Российской империи на должности заведующего Фурштадским отделением Обуховской больницы, помощника главного доктора Обуховской больницы. К этому времени труды терапевта Густава Цейдлера отмечены орденом Св. Станислава III степени (1907) и орденом Св. Анны третьей степени (1910)³⁶. В 1919 году, вместе со своим старшим братом Германом, Густав покидает Советскую Россию и работает терапевтом и рентгенологом сначала в Выборге, затем в Гельсингфорсе (Хельсинки). Земной путь трудолюбивого врача завершается в столице Финляндии 26 мая 1959 года. В браке Густава с Эмми Паулиной Маргаритой Банг (1882–?) родилась дочь Катарина, о дальнейшей судьбе которой нам ничего не известно. Предположительно, потомков Густава Цейдлера нужно искать в пределах Финляндии.

Необычную профессию выбрал Людвиг Федорович Цейдлер (1863–1916), единственный представитель фамилии, посвятивший себя дипломатической службе. В школе Карла Мая Людвиг учился только один год (1880–1881), затем продолжил обучение в частной гимназии и в 1883 году поступил в Санкт-Петербургский Императорский университет на факультет восточных языков (персидско-турецкий разряд)³⁷. Экзотичным выглядит список языков, которые изучал студент Людвиг Цейдлер, – арабский, турецко-татарский, османский и персидский. Уверенно можно сказать, что такой набор знаний был всегда востребован в России, не исключая и нынешние времена. После окончания университета в 1889 г. Людвиг проходил годовую практику в Тегеране, с 1890 по 1900 год работал в Азиатском департаменте Министерства внутренних дел и затем с 1900 по 1904 год – в российском консульстве в г. Решта (Иран). Однако в 1904 году восточную экзотику сменяет служба в российском консульстве в Лейпциге. Учительская прекрасное знание немецкого языка и немецких традиций, этот переезд

не стал проблемой для Людвиг. На родине предков Людвиг прослужил вплоть до начала мировой войны и завершил свою дипломатическую карьеру в ранге российского консула в Штеттине (ныне Польша, Щецин)³⁸. Для полноты картины следует сказать, что с октября 1891 года семейные узы связывали Людвиг с бывшей британской

подданной Мари Круз (1872–?). В этом браке родилась дочь Надежда, о которой известно, что в 1912 году она окончила с серебряной медалью петербургскую гимназию В. А. Субботиной и в 1913 году поступила в Императорский женский педагогический институт³⁹. Единственный известный нам дипломат Цейдлер умер в Санкт-Петербурге

13 августа 1916 года. Можно предположить, что он стал если не прямой, то косвенной жертвой гонений на представителей немецкой диаспоры, развернувшихся в России после начала войны с Германией.

(окончание
в следующем номере)

¹ Немцы России. Энциклопедия. СПб.: ЭРН, 2004.

² РГИА. Ф. 1284. Департамент общих дел МВД. Дела о переходе в российское гражданство.

³ Черказянова И. В., Смагина Г. И. Немецкие школы и немецкие учителя // Немцы в России: Историко-документальное издание / Отв. ред. Г. И. Смагина. СПб.: Лики России, 2004.

⁴ Королев А. В. Проповедь пангерманизма в русской школе. Петроград, 1915.

⁵ Хильдесхайм (нем. Hildesheim) – город в Германии (Нижняя Саксония). Расположен в 25 километрах юго-восточнее Ганновера.

⁶ Геттингенский университет имени Георга-Августа (нем. Georg-August-Universität) – один из самых крупных и старейших существующих университетов Нижней Саксонии.

⁷ Великая княжна Ольга Николаевна (1822–1892) – дочь императора Николая I и императрицы Александры Федоровны, жена Карла I, короля Вюртембергского. С 1846 года жила в Германии, но никогда не теряла связи с Россией. Ольга Николаевна много времени посвящала благотворительным учреждениям, тем самым завоевав любовь и уважение немецкого населения.

⁸ Карл Готлиб Бем (1823–1856) – видный педагог, кандидат богословия, выпускник Дерптского университета. В 1853 году основал в Выборге училище (пансион) для мальчиков «с курсом средних учебных заведений и с преподаванием предметов на немецком языке».

⁹ Благово Н. В. Школа на Васильевском острове. Ч. 1. СПб.: Наука, 2005. С. 221.

¹⁰ Следует отметить, что отчество у детей Фердинанда Фридриха Цейдлера варьировалось как Фердинандовичи (редко), Фридриховичи (зачастую), Федоровичи (очень часто). Более того, один и тот же Цейдлер в некоторых документах упоминается как Фридрихович, а в других как Федорович.

¹¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 129. Д. 310. Л. 1, 4.

¹² Благово Н. В. Указ. соч. Годы учебы Цейдлеров в школе К. Мая: Герман – 1878–1880; Людвиг – 1880–1881; Рудольф – 1886–1890; Густав – 1887–1893.

¹³ Там же. С. 219–258. Отрывки из воспоминаний И. В. Петрашени. Полная версия воспоминаний в настоящее время готовится к изданию.

¹⁴ Густав Цейдлер был только уроженцем Финляндского княжества.

¹⁵ Меркацио (лат.) – коммерческая операция, купля-продажа, по-видимому, юноша получил это прозвище за склонность к мелким торговым операциям.

¹⁶ Стинкспиритус (лат.) – угасший дух.

¹⁷ Берта Альбертовна Цейдлер (Кемпе) – вдова Фердинанда Фридриха Цейдлера.

¹⁸ Бюхнер Людвиг (1824–1899) – немецкий философ и врач, естествоиспытатель.

¹⁹ Моцшот Якоб (1822–1893) – немецкий физиолог и философ.

²⁰ Вейка – легкие прогулочные конные сани, которыми управляли приезжавшие в С.-Петербург финны. «Вейками» назывались как сани, так и их возницы.

²¹ Джесси Андреевна Петрашень (урожд. Парланд, 1878–1942).

²² Валга/Валка – разделенный город, расположенный на границе Эстонии и Латвии. Город впервые был упомянут в 1286 году.

²³ РГИА. Ф. 740. Оп. 8. Д. 656. Л. 22–28.

²⁴ Обуховская больница (наб. р. Фонтанки, 106), основана в 1779 году. В конце XIX века – передовое науч.-клинич. учреждение.

²⁵ Хирургическая факультетская клиника Санкт-Петербургского женского медицинского института. Речь, сказанная при открытии клиники проф. Г. Ф. Цейдлером. СПб., 1912.

²⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 367. Л. 254–256.

²⁷ Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) – российский государственный деятель, министр внутренних дел, председатель Совета министров Российской империи.

²⁸ Солженицын А. И. Красное колесо. Узел I. Август Четырнадцатого. Собрание сочинений. Т. 11–20. Вермонт-Париж: YMCA-PRESS, 1982–1991.

²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 14514. Л. 26, 28.

³⁰ Ранее Г. Ф. Цейдлер был награжден орденами Св. Станислава 3-й степени (1898) и 2-й степени (1902) и орденом Владимира 4-й степени (1905).

³¹ В 1910 году имение Вонкури принадлежало советнику Эрнсту Цейдлеру, родному дяде Г. Ф. Цейдлера. Костоломов М. Wiborgiana. Краеведческие очерки. Керамаа: Керимики, 2010.

³² Herman Zeidler. Describes agony of dying Petrograd // The New York Times. October 7, 1920.

³³ Кронштадт – 1921 / Сост. В.П. Наумов, А. А. Косаковский. М.: Межд. фонд «Демократия», 1997.

³⁴ Костоломов М. Цветы на колючей ветке. Красный крест жизненного пути профессора Цейдлера. Wiborgiana. Краеведческие очерки. Керамаа: Керамикс, 2010.

³⁵ ЦГИА СПб. Ф. 62. Оп.1. Д. 289, 1899.

³⁶ РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д.1000. Л. 130–132.

³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 23637, 1888 г.

³⁸ Архив и библиотека Эрика Амбургера. Электронный ресурс: [режим доступа: <http://88.217.241.77/amburger/index.php?id=39761>]

³⁹ ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 5171.

Прусские-русские Цейдлеры*

М. Т. Валиев,
А. Ф. Клебанов

Рудольф Федорович Цейдлер (1872–после 1965), четвертый сын Фридриха Цейдлера, стал основателем горнозаводских фамильных традиций. После окончания полного курса гимназии Карла Мая в 1890 году Рудольф поступил в Санкт-Петербургский горный институт, который окончил в 1895 году¹. Примечательно, что Рудольф Цейдлер только в 1896 году обратился в горный департамент Министерства земледелия и государственных имуществ с просьбой «не отказать в надлежащем распоряжении вычеркнуть меня из списков уроженцев Великого княжества Финляндского». И только 9 сентября 1897 года последовало Высочайшее распоряжение «перечислить в Империю финляндского уроженца, горного инженера Рудольфа Цейдлера»².

Горный инженер Рудольф Цейдлер продолжал успешно трудиться на заводах Донецко-Юрьевского металлургического общества, умело сочетая инженерную и коммерческую деятельность. К 1900 году Рудольф Федорович уже стал членом правления и директором-распорядителем Богословского горнозаводского общества, техническим руководителем работ Брянского общества, управляющим Керченского общества металлургических заводов и рудников. Его стараниями 30 мая 1900 года под малиновый звон керченских церквей и песнопения была запущена и освящена первая домна в Керчи³.

К началу войны 1914 года горный инженер Р. Ф. Цейдлер — директор-распорядитель Общества Богословской ж.д., председатель правления Русско-Персидского горно-промышленного общества, член правления Богословского Горнозаводского общества⁴. В счастливом браке с Евгенией Ундольской (1883 – после 1928) родились дети: Георг (1902–?), Вольдемар (1905–?), Дмитрий (1906–?), Ирина (1910–?), Елена (1917–?).

Рудольф Федорович Цейдлер.
1890 г. ЦГИА СПб.
Фотография публикуется впервые

После Октябрьской революции Рудольф переехал в Финляндию. По утверждению краеведа М. Костоломова, инженер Цейдлер был директором предприятия и хозяином имения Пиетиля на Сайменском канале⁵. С другой стороны, есть упоминания в печати, датированные 1931 годом, где Рудольф заявлен, как собственник акций промышленных предприятий Эстонии, также известна книга Рудольфа Цейдлера, посвященная проблемам разработки эстонских сланцев⁶. Скорее всего Рудольф Цейдлер успешно сочетал предпринимательскую и инженерную деятельность в двух странах в Эстонии и в Финляндии.

В заключение рассказа об основателе горнозаводских традиций Цейдлеров нужно сказать, что личность Рудольфа Цейдлера оказала большое влияние на его племян-

ника, Александра Альбертовича Цейдлера (1899–1993), ставшего впоследствии известнейшим ученым и практиком отечественной цветной металлургии.

Альберт Федорович Цейдлер (1865–1908), единственный из сыновей Фридриха Цейдлера, не учился в гимназии Карла Мая. Свою профессиональную подготовку инженера-технолога пивоварения Альберт получил за пределами России, в Германии. После возвращения в Россию он начал работать на знаменитом Трехгорном пивоваренном заводе в Москве⁷. Этот завод был создан в 1875 году Альбертом Альбертовичем Кемпе, родным дядей Альберта Цейдлера, и производил лучшее пиво в России. В 1907 году Альберт Цейдлер стал директором и совладельцем завода. Благодаря энергии дяди и племянника завод

Альберт Федорович Цейдлер.
Начало XX века.
Из семейного архива
А. Ф. Клебанова.
Фотография публикуется впервые

* Окончание. Начало в № 3 (61), 2011 г.

оказался лидером отрасли по использованию технических новшеств в области пивоварения. Альберт Цейдлер вошел в историю как один из продолжателей лучших традиций пивоварения в России⁸.

Семейная жизнь Альберта не была безоблачной – первый брак с англичанкой Паолой Круз⁹ (? – 1906) прервался ее трагической смертью. В этом браке родились Вера (1894–1982), София (1896? – после 1970), Александр (1899–1993), Николай (1897? – после 1917), Наталья (1903–?). В 1906 году Альберт женился на Надежде Германовне Дукс (1876–1970), но вскоре после рождения сына Владимира (1908–1938) Альберт Федорович Цейдлер был убит при странных обстоятельствах. В заметке по этому поводу в «Московских ведомостях» написано: «На Трехгорном пивоваренном заводе, за Дорогомилловской заставой, совершено злодейское убийство директора этого завода А. Ф. Цейдлера. Убийство остро отточенным шилом совершил помощник монтера, которому директор завода сделал замечание...» В других источниках говорится об анархистах. Фамильная легенда гласит, что существовали какие-то угрозы со стороны конкурентов. Вряд ли когда-нибудь мы узнаем правду. Можно сказать, что Альберт Цейдлер стал первой фамильной жертвой надвигавшегося смутного времени. Надежда Германовна пережила своего мужа на шестьдесят (!!!) лет. Она стала доброй и заботливой матерью для всех детей Альберта Цейдлера, в том числе, пяти приемных. Этому удивительно доброму и отзывчивому человеку пришлось пережить еще одну трагедию – в 1938 году погиб под горной лавиной ее единственный родной сын Владимир, известный альпинист, сподвижник В. М. Абалакова (1906–1986).

Для полноты картины мы обязаны рассказать о женской половине семьи Цейдлеров. По понятным причинам сведения о женах и дочерях Цейдлеров носят скудный характер. Только с конца XIX века появилась возможность сохранить хотя бы редкие документы воспитанниц учебных заведений и еще более редкие послужные списки. В большинстве случаев документальные свидетельства ограничиваются метрикой и записью в

Паола Круз. Около 1890 г.
Из семейного архива
А. Ф. Клебанова.
Фотография публикуется впервые

на двух родных сестрах, дядя на племяннице, старший брат на вдове младшего. Это помогало сохранить семейные, конфессиональные и национальные традиции. Однако при первой возможности женщины семьи Цейдлер старались выйти из жесткого круга чисто семейных обязанностей, получали образование, стремились реализовать себя как самостоятельные личности. Уже матриархи рода, Берта и Агнесса Кемпе, преподавали в школах своих мужей. Второе поколение, дочери Фридриха Цейдлера, Клара, Антония и Эмма получили прекрасное образование и достойно проявили себя на ниве образования и искусства. Самостоятельные, умные, целеустремленные, они с трудом находили себе достойных спутников жизни. К сожалению, можно говорить еще об одной семейной традиции – высокая планка требова-

Дети Альберта Федоровича Цейдлера.
Слева направо – Николай, Вера, Софья, Наталья, Александр.
Около 1908 г. Из семейного архива А. Ф. Клебанова.
Фотография публикуется впервые

послужном списке мужа – «женат первым браком на девице С., дочери тайного советника К». К счастью, именно женская линия с большей тщательностью и готовностью хранит семейные тайны и предания. Мужчины Цейдлеры выбирали себе жен из своего круга, нередким явлением были перекрестные семейные связи – два родных брата женились

на двух родных сестрах, дядя на племяннице, старший брат на вдове младшего. Это помогало сохранить семейные, конфессиональные и национальные традиции. Однако при первой возможности женщины семьи Цейдлер старались выйти из жесткого круга чисто семейных обязанностей, получали образование, стремились реализовать себя как самостоятельные личности. Уже матриархи рода, Берта и Агнесса Кемпе, преподавали в школах своих мужей. Второе поколение, дочери Фридриха Цейдлера, Клара, Антония и Эмма получили прекрасное образование и достойно проявили себя на ниве образования и искусства. Самостоятельные, умные, целеустремленные, они с трудом находили себе достойных спутников жизни. К сожалению, можно говорить еще об одной семейной традиции – высокая планка требова-

Наиболее интересна и показательна судьба старшей дочери Фридриха Цейдлера, Клары Федоровны. Дочь доктора философии родилась в Выборге 25 апреля

1870 года. Начальное образование получила в частном учебном заведении фон Клейн в г. Валке¹⁰. Уже во время учебы в школе проявила незаурядные способности к рисованию, которые были развиты и закреплены в Центральном училище технического рисования барона Штиглица¹¹ (выпуск 1894 года). В 1897 году Клару Цейдлер приняли учительницей рисования в Императорское воспитательное общество благородных девиц¹². В 1912 году она была Всемилостивейше награждена Мариинским знаком отличия беспорочной службы второй степени, в 1913-м – «предоставлено право ношения на груди Высочайше учрежденной в память 300-летия царствования дома Романовых светло-бронзовой медали». В 1914 году Клара Федоровна входила в педагогический совет школы Императорского общества поощрения художеств¹³, директором которой в то время был Н. К. Рерих (1874–1947). В одном из писем Николая Константиновича, адресованных Р. Я. Рудзитису и Г. Ф. Лукину, есть такие признательные строки: «О К. Ф. Цейдлер я всегда был хорошего мнения <...>. Она была хорошей преподавательницей, вела акварельный класс, выявившись успешной учительницей, и утверждала прочие устои»¹⁴. Нужно отметить, что и Клара Федоровна не забыла своего директора и поздравила его с 50-летием творческой деятельности в 1937 году¹⁵.

В 1917 году профессор К. Ф. Цейдлер преподавала в училище барона Штиглица. К этому же периоду относится и ее плодотворное сотрудничество с известной ювелирной фирмой Фаберже¹⁶.

Однако в 1918 году Клара Цейдлер была вынуждена эмигрировать из России, приняла эстонское гражданство и обосновалась в Таллине, где в 1919–1940 годах работала в Государственном художественно-промышленном училище преподавателем художественной обработки металла, росписи фарфора, рисунка и акварели. Кроме этого, г-жа Цейдлер открыла в Таллине частную студию, выступала на выставках, участвовала в основании объединения художников декоративно-прикладного искусства RaKÜ. Ее работы были неоднократно представлены на официальных вы-

Клара Федоровна Цейдлер.
1930-е гг. Таллин.
Эстонский исторический музей

ставках эстонского искусства за рубежом – в 1929 году в Хельсинки, Любеке и Киле, в 1939 году в Риме и Будапеште. Произведения Клары Цейдлер и по сей день хранятся в музеях Эстонии, Швеции и Германии. В настоящей статье приведены репродукции работ выдающейся художницы, любезно предоставленные Художественным музеем Эстонии.

В 1941 году Клара Цейдлер эмигрировала из Эстонии в Финляндию, откуда почти сразу пере-

бралась в Германию, в Мекленбург, а в 1948 году – в Швецию. Свой жизненный путь Клара Цейдлер завершила 9 сентября 1951 года в Эскилстуне (Швеция). Можно предположить, что все переезды незаурядной представительницы женской линии Цейдлеров были связаны с желанием жить в свободном культурном и творческом пространстве, которое трудно сочеталось с советским строем.

Гораздо более скудными знаниями мы располагаем о судьбе двух младших сестер Клары – Антонии (1876 – после 1917)¹⁷ и Эммы (1868 – после 1917). Антония получила среднее образование в женском училище Св. Петра и в 1895 году поступила на знаменитые Бестужевские курсы¹⁸. После окончания курсов в 1899 году¹⁹ Антония вплоть до 1902 года руководила практическими занятиями по химии со слушательницами Высших женских курсов. Это свидетельствует о редких для девушки способностях в сложнейшей сфере – химии. В дальнейшем Эмма работала в знаменитой Бутлеровской лаборатории²⁰.

О жизненном пути Эммы мы знаем еще меньше – предположительно работала учительницей в школе при Российско-американской резиновой мануфактуре, которой в то время заведовал родной брат ее матери, Борис Альбертович Кемпе.

Вид на балконе. Акварель. Худ. Клара Федоровна Цейдлер.
Около 1938 г. Таллин. Художественный музей Эстонии

Уместно еще раз отметить тесные семейные связи Цейдлеров и Кемпе: Альберт Федорович Цейдлер работал на заводе своего дяди, Альберта Альбертовича Кемпе, Эмма Федоровна – у другого родного дяди, Бориса Альбертовича Кемпе. В этом проявлялись семейные традиции взаимной заботы и поддержки. О трогательных отношениях в семье свидетельствует и тот факт, что очень долгое время дочери Фридриха и Берты Цейдлеров жили вместе с матерью в семейном гнезде на Садовой улице, а затем, вплоть до революции, сестры совместно снимали квартиру на Екатерининском проспекте²¹.

О судьбе матери и сестер Цейдлер после революции известно очень мало. Скорее всего, женская часть фамилии присоединилась к Герману, Густаву и Рудольфу Цейдлерам и эмигрировала в Финляндию. Прямым доказательством того служит документально зафиксированная биография Клары, косвенным – место упокоения матриарха, Берты Цейдлер (местечко Ретцел под Выборгом).

Исход семьи Цейдлеров из России знаменовал печальный итог социального и национального противостояния начала XX века. Именно в тот период был нанесен непоправимый ущерб взаимоотношениям двух наций, двух культур. Трудно сказать, кто больше пострадал от этого – потери были обоюдными и трудновосполнимыми. Печальная статистика свидетельствует: из десяти предреволюционных выпускников гимназии Карла Мая с немецкими корнями только треть осталась в России, и дай Бог, чтобы хотя бы один из них дожил до глубокой старости, не подвергаясь жестокому давлению репрессивного аппарата.

Из всех многочисленных ветвей фамилии после 1917 года в пределах обретенного отечества остались только потомки Альберта Федоровича, директора Трехгорного пивоваренного завода, и дочь дипломата Людвиг Федоровича. Возможно, это было связано с тем, что и Альберт и Людвиг к тому моменту ушли из жизни, и вдовам с детьми было тяжело решиться на отъезд в неизвестность. За редким исключением, их дальнейшая судьба подтверждает нашу печальную

Вера Альбертовна Цейдлер.
Оксфорд. Около 1913 г.
Из семейного
архива А. Ф. Клебанова.
Фотография публикуется впервые

Вера Альбертовна Цейдлер.
Казахстан. Около 1955 г.
Из семейного
архива А. Ф. Клебанова.
Фотография публикуется впервые

статистику. Николай Альбертович Цейдлер, старший сын Альберта Цейдлера, по семейным преданиям, был расстрелян в Екатеринбурге как участник Белого движения. Старшая дочь Альберта, Вера Альбертовна Цейдлер (1894–1982), до революции успела окончить престижный колледж на родине своей матери в Оксфорде, кроме русского языка прекрасно владела немецким, английским и французским. После революции работала stenographicistкой в штате секретариата В. И. Ульянова (Ленина), что, однако, не спасло ее от репрессий. После начала войны, как социально и национально чуждый элемент, выпускница Оксфорда была сослана в Казахстан, работала машинисткой в простом казахском совхозе, и только благодаря героическим стараниям своей племянницы, Веры Александровны Цейдлер²² (1925–1994), после смерти И. В. Сталина смогла вернуться в Москву. В дальнейшем «чуждый элемент» работала секретарем у академика Т. Д. Лысенко (1898–1976) в Институте генетики²³, ютилась в каморке при здании института. Только в конце 1960-х годов, благодаря статье в журнале «Наука и жизнь»²⁴, в которой было рассказано о работе Веры Альбертовны в секретариате В. И. Ульянова (Ленина), Вера Альбертовна была

удостоена звания персональной пенсионерки и получила отдельную комнату.

Родная сестра Веры Альбертовны, София Цейдлер (1896? – после 1970), повторила судьбу старшей сестры, провела более десяти лет на поселении в степях Казахстана. Сохраняя лучшие семейные традиции, София осталась в памяти близких исключительно волевой и целебной личностью, вместе с тем не лишенной немецкой сентиментальности. Не имея своих детей, очень любила племянников. После возвращения в цивилизацию была лишена московской прописки, жила в деревенском доме в двадцати километрах от Москвы и, несмотря на это, до конца жизни работала в центральной клинике МПС, защитила кандидатскую диссертацию и прославилась безупречной репутацией специалиста по болезням суставов. Оставаясь верной клятве Гиппократова, София Альбертовна лечила и наркома Кагановича, и знатных железнодорожников, но при этом всю жизнь крайне неодобрительно отзывалась о существовавших порядках и с теплом вспоминала давние времена. Думается, она имела на это полное право.

Младшая дочь пивовара Цейдлера, Наталья (1903 – после 1945), по решению семейного совета сразу

София Альбертовна Цейдлер.
Около 1915 г. Из семейного архива
А. Ф. Клебанова.
Фотография публикуется впервые

после революции была отправлена в Германию. С ее именем связана фантастическая история спасения во время Второй мировой войны Татьяны Ковалевой (ур. Цейдлер), внучки Людвиг Федоровича Цейдлера. По семейным преданиям, Татьяна Ковалева-Цейдлер вышла замуж за командира РККА, пограничника, который погиб в первые дни войны. Татьяна вместе с маленькой дочерью Надеждой, названной в честь своей бабушки, Надежды Людвиговны Цейдлер, оказалась на оккупированной территории и спаслась от гибели благодаря чудом сохранившимся документам на девичью фамилию Цейдлер. С этими документами Татьяна, как фольксдойче, смогла въехать на территорию Германии и нашла в Берлине (!!) свою двоюродную тетю Наталью. В традициях семьи Цейдлеров была помощь близким – тетя приняла свою «советскую» племянницу и хотя, по рассказам Татьяны с явной симпатией относилась к «новому порядку» и люто ненавидела советский строй, обеспечила беженцам кров и пищу. Впрочем, относилась к своим племянникам без излишней сентиментальности – всю войну

Татьяна проработала в хозяйстве тетушки как обычный остарбайтер. При приближении Советской армии истинная арийка Наталья Альбертовна Цейдлер категорически настаивала на эвакуации на Запад. Однако Татьяна сохранила любовь к Отечеству – после «крупного политического конфликта» она рассталась с фрау Цейдлер и с надеждой устремилась навстречу Советской армии. Что потом последовало, нетрудно было представить – два раза Татьяну хотели расстрелять как фашистскую шпионку и предательницу Родины, затем фильтрационные лагеря, осуждение по 58-ой статье и ссылка. Родина-мать не слишком баловала лаской русских немцев.

Впрочем, были счастливые исключения. Из всех потомков доктора Фридриха Цейдлера, оставшихся в Советской России, судьба была наиболее благосклонна к его внуку, продолжателю горных традиций, доктору технических наук, лауреату Государственной премии, профессору Александру Альбертовичу Цейдлеру (1899–1993)²⁵. Несмотря на подозрительное происхождение: родной брат – белогвардеец, дядя – «окопавшийся в Финляндии контрреволюционер», отец – капиталист, младшая сестра – эмигрантка, Александр Альбертович стал известным ученым, одним из основателей отечественной цветной металлургии, отмеченным многочисленными наградами и премиями. Импозантный блондин с голубыми глазами, высокого роста, с прекрасным чувством юмора, отличным знанием иностранных языков – классический представитель семьи Цейдлеров – Александр Альбертович еще успел застать увядающее величие Российской империи. На вопрос, откуда знание языков, отвечал: «...утром приходила англичанка, днем француженка, а вечером в семье говорили на немецком. В революцию все отняли». В кругу семьи часто вспоминал светлые летние месяцы в родовом гнезде Папула под Выборгом, походы под парусом из имения в город за хлебом, набеги на ягодные плантации и грибную охоту. С большой благодарностью и теплотой говорил о своем родном дяде Рудольфе, серьезно повлиявшем на выбор им профессии металлурга. В раннем

детстве Александр практически потерял слух, что не помешало ему в 1917 году окончить с золотой медалью гимназию, в 1924 году – Ленинградский политехнический институт, позднее защитить кандидатскую и докторскую диссертации и стать крупнейшим специалистом в своей области. По рассказам родственников, соответствующие органы не оставляли семью А. А. Цейдлера без внимания – несколько раз проводились тщательные обыски в квартире, искали следы контактов с зарубежными родственниками, компрометирующие материалы, запрещенную литературу. Но профессор Цейдлер был настолько погружен в свой молчаливый мир и занят своей любимой профессией, что даже изощренно-преступная карательная машина в недоумении отступала. До конца жизни увлекался яхтенным спортом, участвовал и побеждал с сыновьями Альбертом и Николаем²⁶ в Московской регате. В памяти многих людей Александр Альбертович остался светлым и увлеченным своим делом человеком.

К сожалению, на сегодняшний день в России не осталось носителей фамилии нашей ветви Цейдлеров, но семейные традиции свято со-

Александр Альбертович Цейдлер.
Около 1960 г.
Из семейного архива
А. Ф. Клебанова.
Фотография публикуется впервые

храняются и передаются из поколения в поколение в семьях внуков и правнуков. Остается надежда, что и в европейском пространстве остались прямые потомки доктора философии Цейдлера.

В самом начале российской саги семьи Цейдлеров патриарх Фридрих Цейдлер привез из Германии в Россию семена роз, привез как воспоминание о своем родном доме, о милом фатерлянде. Нежные растения хорошо прижились

в северной стране. Благодаря тщательному уходу, на скалистой, обдуваемой морскими ветрами земле усадьбы Папула выросла плантация розовых кустов нового сорта, названного по месту его рождения – розами Папула (*Rosa Pimpinellifolia-gyhma* «Papula»). Оттуда цветы широко распространились по югу Финляндии и северу России.

Так же и дети доктора Цейдлера трудом своим и любовью проросли

в земле российской – за исторически короткое время стали частью русского общества, верой и правдой служили новому Отечеству, и «вся семья Цейдлеров, состоящая из прекраснейших людей, сильных, деловых и нежных душою мужчин и женщин»²⁷, оставила значимый и неизгладимый след в нашей истории.

Надеемся, что в этом есть не только глубокое символическое значение, но и счастливое предзнаменование.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 10345.

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 129. Д. 310.

³ Черемовский Ю. Ю. Русская рулетка. Ист. публицист. очерки к 100-летию Керченского металлургического комбината им. П. Л. Войкова. Симферополь: Таврида, 2000.

⁴ РГИА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 905. Л. 43, 64, 65.

⁵ Костоломов М. *Wiborgiana*. Краеведческие очерки. Керамаа: Керимикко, 2010.

⁶ Цейдлер Р. Ф. Новые пути использования горючего сланца и его переработка на масла. Пер. с нем. М.; Л.: НКТП, 1935.

⁷ Трехгорный пивоваренный завод в Москве, впоследствии Бадаевский пивоваренный завод, был открыт в 1875 году. Альберт Цейдлер был директором завода в 1907 году.

⁸ Родоначальником заводского пивоварения в России был финн Авраам Крон (1766–1827), основавший первый пивоваренный завод в Санкт-Петербурге в 1795 году.

⁹ Паола Круз – родная сестра Мари Круз, жены младшего брата Адольфа, Людвига Цейдлера.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14745.

¹¹ Центральное училище технического рисования барона Штиглица – государственное художественное учебное заведение готовило художников декоративно-прикладного искусства для промышленности, а также учителей рисования и черчения для средних художественно-промышленных школ.

¹² Более известно под наименованием «Смольный институт благородных девиц» – первое в России женское учебное заведение, положившее начало женскому образованию. Основано по указу Екатерины II в 1764 году в Санкт-Петербурге.

¹³ Императорское общество поощрения художеств – старейшее в России (1820–1929) благотворительное общество, созданное с целью содействия развитию изящных искусств, распространению художественных познаний, образованию художников и скульпторов.

¹⁴ Н. К. Рерих. Листы дневника. Т. II. М., 1995.

¹⁵ *Zelta gramata*. Riga, 1938. С. 108.

¹⁶ Фамилию Клары Цейдлер как художницы по эмали упоминает Франц Бирбаум (1870–1947), главный мастер фирмы Фаберже с 1893 по 1918 год.

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 1. Д. 149.

¹⁸ Бестужевские курсы – высшие женские курсы в Санкт-Петербурге (1878–1918). Одно из первых женских высших учебных заведений в России.

¹⁹ Бестужевка в цифрах. К 130-летию юбилею Санкт-Петербургских Высших женских курсов. 1878–1918 гг. Составитель О. Б. Вахромеева, СПб., 2008.

²⁰ Бутлеров А. М. (1828–1886) – создатель первой русской школы химиков. В Бутлеровской лаборатории при Петербургском университете работали видные русские химики А. Е. Фаворский, М. Д. Львов, И. Л. Кондаков, Е. Е. Вагнер, Д. П. Коновалов, Ф. М. Флавицкий и другие.

²¹ До 1901 года по адресу Садовая, 88, с 1901 до 1917 года – по адресу Екатерингофский пр., 20.

²² Вера Александровна Цейдлер – дочь профессора Александра Альбертовича Цейдлера и мать одного из авторов статьи Алексея Феликсовича Клебанова (1958 г. р.)

²³ Институт генетики АН СССР (Москва, Ленинский проспект, 33) – с 1941 по 1965 год директором института был академик Т. Д. Лысенко. С 1966 года на базе института был организован Институт общей генетики АН СССР, которому было присвоено имя Н. И. Вавилова.

²⁴ Вексман Р. Как мы записывали речи В. И. Ленина // Наука и жизнь. 1968. № 1. С. 22–26.

²⁵ Александр Альбертович Цейдлер. К 100-летию со дня рождения // Цветные металлы. 1999. № 9. С. 122–123.

²⁶ В трех браках у Александра Альбертовича Цейдлера выросли сыновья Николай (1926–2008), Альберт (1928–1982), Владимир (приемный) и дочери Вера (1925–1994), Ирма и Елена (приемная).

²⁷ Благово Н. В. Школа на Васильевском острове. Ч. 1. Письма И. В. Петрашени. СПб.: Наука, 2005. С. 245.

